

ЗАГАДКИ «ОБЫКНОВЕННОЙ БИОГРАФИИ»

Никогда писатель не выдумает ничего более прекрасного и сильного, чем правда.

Ю. Тынянов. «Автобиография»

Трудно писать о том, что известно всем. А у нас любой школьник знает, что Аркадий Петрович Гайдар в 15 лет командовал ротой.

И хотя нам нелегко представить, что Николай Ильич Подвойский, один из руководителей штурма Зимнего, а летом 1919-го нарком по военным и морским делам Украины, вручил пятнадцатилетнему Аркадию Голикову диплом красного командира и прямо с парадного плаца послал во главе взвода курсантов на передовую, — все равно этим фактом сегодня никого не удивишь.

Однако тут есть над чем задуматься. В детстве Аркадий Голиков даже не мечтал быть военным — он хотел стать матросом: его влекла романтика странствий, манили далекие континенты.

Весной 1917 года тринадцатилетний Аркадий впервые пришел в клуб большевиков. Там он застал других, более взрослых мальчишек. Им доверяли серьезные задания, а Голиков стал посыльным: сбегать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то. И для тех, кто помнил Аркадия как мальчика для поручений, его последующий стремительный взлет стал полной неожиданностью.

В том, что четырнадцатилетнего Аркадия Голикова зачислили в Красную Армию и вскоре назначили командиром, много случайного. Не было случайностью только одно.

Шла гражданская война. Голиков часто попадал в опасные, порою безвыходные ситуации, где только от него зависело не погибнуть самому и не дать погибнуть другим. Но каких бы усилий ни потребовали обстоятельства, всякий раз обнаруживалось, что нравственно, интеллектуально и физически Голиков был к ним готов.

И это первая загадка.

Из дневников А. П. Гайдара видно: в дни своей боевой юности он встречался с Главнокомандующим

всеми Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетисом, выдающимся полководцем революции командармом М. Н. Тухачевским, с прославленным героем гражданской войны комбригом Г. И. Котовским.

Вацетиса, Тухачевского и Котовского пятнадцатилетний Голиков не просто видел (как В. И. Ленина издали, а М. В. Фрунзе вблизи, но мельком). С этими крупнейшими военачальниками Аркадий Голиков встречался по службе, он вместе с ними работал. Равно как с командующим войсками по охране железных дорог Республики Е. О. Ефимовым и с командующим Орловским военным округом А. К. Александровым.

Разумеется, Голиков был много моложе, а должности, которые он занимал, менее высокими. И все равно это были крупные должности: командир полка, командующий боевым участком, начальник боевого района...

Мальчишка-командир был наделен большими полномочиями. Его право в 17—18 лет занимать такие посты каждый раз подтверждала Москва. И здесь, наверное, кроется вторая загадка.

«Все это странно, но все это было», — заметил Гайдар в автобиографии 1929 года.

«Это была обыкновенная биография в необыкновенное время», — написал позже.

Время действительно было необыкновенное. Революция нуждалась в отважных и талантливых людях. Она таких людей искала, находила и выдвигала, не смущаясь их молодостью, недостаточным образованием или дворянским происхождением. Революция требовала только верности трудовому народу и пригодности к делу.

У Голикова были все основания стать военным деятелем большого масштаба.

Но его дальнейшей службе помешала тяжелая контузия. И хотя руководство Вооруженных Сил Республики и председатель РВС СССР М. В. Фрунзе приложили много усилий, чтобы талантливый командир выздоровел и остался в рядах Красной Армии, неизлечимая болезнь прервала военную карьеру А. П. Голикова.

Под именем Аркадия Гайдара он стал выдающимся писателем и педагогом и героически погиб в октябре

1941-го.

В этой повести рассказано о главнейших событиях первых семнадцати лет жизни Аркадия Петровича Гайдара — не для восторженного умиления, а для уяснения того, как формировался его характер, и складывалась его личность. Ведь такие могучие, многогранно одаренные натуры были нужны всегда.

Особенно они нужны сегодня.

часть первая

ПОСЕЕШЬ ХАРАКТЕР...

ПЕРВОЕ ПОТРЯСЕНИЕ

Обжигаясь и морщась, Аркадий допил из блюдечка чай и взглянул на часы. Это были старинные часы в деревянном футляре фирмы «Мозер». Они висели на стене и отщелкивали секунды массивным круглым маятником. Стрелки показывали без десяти минут девять.

«Опаздываю!» — испугался мальчик. Он сунул в рот тонкий ломтик хлеба, который еще оставался на тарелке, вскочил со стула, сорвал с вешалки сизую форменную шинель с рыжеватым, канареечным кантом, нахлобучил фуражку с гербом, схватил тяжелый, с вечера приготовленный ранец и выбежал на улицу.

Прощаться было не с кем: мама еще не вернулась с дежурства, сестры спали, а тетя Даша затемно ушла заниматься очередь.

Аркадий пробежал по Новоплотинной, возле несуразного деревянного дома с колоннами повернул направо. Бежать оставалось минуты две или три, но мальчика удивило, что он не встретил по дороге ни одного реалиста.

«Опоздал!» — понял Аркадий.

Справа появилось массивное трехэтажное здание реального училища. Обычно перед началом занятий у входа целое столпотворение. А сейчас у подъезда было пусто.

«Запишут в балльник! — с тоской подумал мальчик. — Снизят отметку за поведение». С этой мыслью он потянул на себя тяжелую дверь, ворвался в вестибюль, сбросил на пол ранец, кинул на деревянный барьер гардероба шинель и фуражку и... обмер. Вешалка была пуста.

— Доброе утро, — услышал Аркадий и обернулся: по коридору шел училищный сторож, он же гардеробщик дядя Иван. — Видать, вы сегодня дежурный?

Мальчик взглянул на часы — шестиугольные, в деревянном футляре — под самым потолком. Они показывали без пяти минут восемь.

— Да, дежурный, — машинально повторил Аркадий, обрадованный и огорченный: дома часы ушли вперед больше чем на час. И он не опоздал. Но что же делать

целых шестьдесят минут?

Аркадий поднялся в класс (на дверях висела табличка «1 класс — основной»). Сунул ранец в ящик парты, открыл форточку. Сидеть и читать в громадной пустой комнате не хотелось. Аркадий вышел из класса к просторной лестнице с широкими гладкими перилами. Сам он на них кататься еще не пробовал, но видел, как лихо это делали другие. Ухватившись рукой за балясину, сел на перила боком, слегка наклонился в сторону ступеней, чтобы не свалиться в пролет, разжал пальцы и стремительно заскользил по широкому брусу.

«Будто по воздуху!» — восторженно подумал он.

Но скорость нарастала. Аркадий потерял ориентировку. И ему показалось, что он оторвался от перил и летит в пролет. И не за что было ухватиться и нечем задержать или замедлить падение. Он уже горько жалел, что соблазнился, и с ужасом ждал неминуемого удара.

Тут перила кончились, и Аркадий в самом деле очутился в воздухе, но свободный полет не доставил ему радости — он только усилил страх и ожидание беды. Когда же ноги Аркадия коснулись лестничной площадки, он поскользнулся, не устоял и пребольно шлепнулся на мрамор.

Напуганный тем, что случилось, а еще больше тем, что могло случиться, испытывая легкое обалдение от небывалой скорости, мальчик не спешил вставать, а когда наконец чуть повернулся, чтобы подняться, то увидел рядом со своим лицом идеально отутюженные брюки, темную полу форменного мундира и услышал спокойный, размеренный голос инспектора, приводивший в трепет даже дерзких старшеклассников:

— Голиков, на два часа без обеда.

...Его наказывали впервые. Целый день на уроках он был не в себе. Отвечал невпопад, нахватал троек. А после занятий спустился вниз, в вестибюль, и сел на лавку для наказанных. Она стояла справа от лестницы, той самой, на перилах которой он так неудачно прокатился. И каждый, кто уходил домой или открывал дверь в училище, видел прежде всего скамью и провинившихся. И мальчик не знал, куда деться от любопытных, равнодушных, злорадных и

сочувствующих взглядов.

На лавке, изрезанной перочинными ножами, Аркадий сидел с рыжим второгодником из третьего «А» (который на уроке математики нарочно облил чернилами новый костюм соседа, с величайшим трудом купленный матерью-вдовой) и чернявым, быстрым в движениях пятиклассником. Даже здесь, под лестницей, пятиклассник улыбался загадочной опасной улыбочкой: на лавку он попал «за избиение инородца».

Переговариваться наказанным не позволяли: за этим следил сторож, да Аркадию и не хотелось беседовать со своими соседями. Он изнемогал от стыда и мысли: «Как я расскажу об этом маме? И напишу папе?»

Отца Аркадий помнил столько, сколько помнил себя. Это был самый близкий ему человек. Но, часто думая о нем последнее время, Аркадий прежде всего переносился мыслью в паляще жаркий день, на громадную площадь возле Воскресенского собора. Это был величественный пятиглавый храм, воздвигнутый жителями Арзамаса в честь победы России в Отечественной войне 1812 года.

Аркадий смотрел на родное лицо: на высокий шишковатый лоб, глубоко посаженные смелые глаза, аккуратно постриженные, рано седеющие бороду и усы — и не верил, что перед ним отец. Вместо сшитого у лучшего портного костюма с белоснежным бельем и галстуком на Петре Исидоровиче была застиранная гимнастерка, перетянутая кожаным ремнем. Поверх гимнастерки — распахнутая, выдавшая виды шинель, а жаркую серую папаху Петр Исидорович сдвинул на самый затылок. И все равно по лбу и щекам его текли ручейки пота: был август 1914 года.

У ног Петра Исидоровича лежал вещевой мешок, а сильной рукой с тщательно подстриженными ногтями Петр Исидорович держал ствол обшарпанной винтовки со штыком. В другое время Аркадий давно уговорил бы отца дать ему подержать винтовку, но сейчас мальчику было не до этого. Не сводя глаз с отца, словно пытаясь наглядеться надолго вперед, он помимо своей воли видел и слышал, что происходит вокруг.

В воздухе висели плач и стон. Один совсем молодой солдат, высокий, в короткой шинели, идя рядом с плачущей женой, не выдержал, сомлел — закатил

глаза и опустился на брусчатку. Парня тут же отнесли к portalу собора в тень, а его жена, повязанная ярким праздничным платком, стала еще громче плакать и кричать:

— Не пушу, нечего тебе там делать!

«Там» — это она имела в виду войну.

В полу шинели другого солдата, лет тридцати, с расчесанной бородою, вцепились двое детишек — стриженный под горшок мальчик и девочка в сарафанчике. Мальчик скрутил жгутом край шинели и повторял:

— Папка, идем домой! — и напрягался в надежде сдвинуть отца с места.

— Да нельзя мне уходить, Петюня, — виновато отвечал отец. — Вишь, какое дело — немецкий, значица, царь обидел нашего. Вообще-то они братья, но немецкий, вишь, перестал нашего уважать... — И слезы блестели в его бороде. И было непонятно: а где же у этих ребят мать?

А на другом конце площади крики сливались с конским ржанием. И Аркадий увидел, как двое солдат местного гарнизона, которые явно не собирались уезжать на фронт, тянут за узду высокого белой масти жеребца, а старуха за ту же уздечку тянет коня к себе, крича:

— Не дам родимого кормильца!

Конь испуганно ржал и косил на хозяйку синий, налитой кровью глаз, словно прося не отдавать его солдатам.

— Папа, скажи, чтобы они отпустили коня, — взмолился Аркадий.

— Коня ведь тоже берут на войну, — глухо ответил отец, обнял сына свободной рукой за крепкие, еще не развитые плечи и повернул лицом к себе. — Я вот что хочу сказать: ты теперь единственный мужчина в доме...

— Но ты же скоро вернешься, правда?

— Я постараюсь. Но пока меня нет, носи воду, коли дрова, не жди, пока тебя попросят. Все равно, кроме тебя, эту работу делать некому. Береги маму — она теперь единственная кормилица... Не позволяй обижать сестер... И как только появится свободная минута — пиши мне. — И он отвернулся, выпустив плечи сына, и закашлялся, будто ему в горло попала мошка.

Наталья Аркадьевна с девочками и тетя Даша (она приходилась отцу двоюродной сестрой и уже давно жила в семье) остались дома. Отец не хотел видеть слезы на всегда оживленном и красивом лице жены и не мог слышать ликующий голос маленькой, ничего не понимающей Катюшки. Ей понравилась военная форма отца, и она восторженно повторяла:

— Папка — солдат! Папка — солдат!

Петр Исидорович разрешил идти на площадь только Аркадию. И теперь отчаяние и горе душили мальчика.

Сквозь плач и крики прорвалось: «...и-ись!» Отец на минуту передал винтовку Аркадию, неловко закинул за спину увесистый мешок. Вещи в нем были уложены неумело, и мешок топорщился. Отец поспешно и уже отрешенно поцеловал мальчика. Аркадий ощутил сухость горячих, обветренных на солнце губ, непривычную колючесть плохо выбритых влажных щек.

Снова над площадью пронеслась команда: «Становись!» Отец схватил винтовку, еще раз прижался к лицу Аркадия кольнувшей щекой и побежал. Мешок нелепо прыгал у него на спине, а приклад в ритм шагам хлопал его по бедру. Прежде чем встать в строй, отец обернулся, ища сына, но уже не разглядел его в толпе. Зато Аркадий не выпускал из виду серую папаху и горловину мешка на спине Петра Исидоровича.

Пожилой полковник с белым крестиком на шее, стоя на кожаном сиденье пролетки, махнул платком. Рывкнул оркестр. Колонна тронулась. Отец, запоздало качнувшись (он опять оборачивался), двинулся со всеми. Следом за колонной рванулась толпа.

Аркадий надеялся, что толпа через минуту поредеет и он догонит отца и пойдет с ним до станции рядом. Но плачущие женщины, ковыляющие старухи, откормленные и откупившиеся от армии сидельцы^[1], желавшие показать свой патриотизм, бежали, ничего не видя, мешая друг другу и закрывая локтями и спинами путь мальчику.

Один призывного возраста купчик в новом картузе толкнул Аркадия и сбил его с ног. Мальчик упал. Его могли затоптать, но он с такой силой испуганно крикнул: «Папочка!», что толпа шарахнулась, мальчик вскочил, еще не чувствуя боли в разбитых коленках.

Голова колонны с оркестром выплыла на Прогонную улицу, которая вела прямо на вокзал. Здесь толпа

на минуту остановилась. Аркадий поднырнул под чьи-то руки, пробежал несколько метров вдоль колонны — и опять увидел отца.

— Папа! — закричал он.

Отец не обернулся. А подойти ближе Аркадий не смог. Так он бежал до вокзала, где провожавших от новобранцев отсекло оцепление. Понимая, что через секунду-другую голову и спину отца с нелепым мешком заслонят, Аркадий в отчаянии подумал: «Неужели?! Неужели его могут убить?» — и зарыдал в голос, но в грохоте медных труб и общем плаче его никто не услышал.

«...СОБСТВЕННОСТЬ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ»

С вокзала Аркадий вернулся хмурый и повзрослевший. Он вытер нос Талке — Наташе, дал леща глупой Катюшке, которая не уставала радоваться тому, что ее «папка — солдат». Наталья Аркадьевна была опять на дежурстве. Тетя Даша вышла к соседям. Аркадий жаждал деятельности. Он взял ковшик воды, побрызгал на пол и принялся подметать.

— Что ты делаешь! — закричала Талка. Она была младше брата на год. — Нельзя сегодня мести. Папа не вернется.

— Я не верю предрассудкам! — ответил Аркадий. — Так меня учил папа.

Но когда все легли спать, тревожные мысли вернулись к нему. Отец был его самым лучшим другом. Охотно отвечал на любые вопросы. Никогда не сердился. Если Аркадий приходил с улицы мокрый или избитый, отец не ахал, как тетя Даша, и не говорил: «Зачем ты туда полез?», как мама, а внимательно выслушивал.

Если оказывалось, что драки избежать было нельзя, но Аркадий при этом не струсил или что Аркадий нарочно свалился с плота в пруд, чтобы в воду не упал Колька, которого родители наказывали розгами, когда он возвращался домой мокрым, отец сочувственно вздыхал, обнимал сына за плечи и вел к умывальнику или помогал переодеться в сухое. А вечером терпеливо объяснял, что произошло, матери.

— Петя, почему ты Аркадию все прощаешь? — спрашивала Наталья Аркадьевна.

— Жизнь любого мальчика, Наташа, трудна и полна опасностей, — отвечал отец. — И не надо ее бессмысленно усложнять. Ребенок должен знать, что хотя бы дома он найдет понимание и защиту.

Сам Петр Исидорович лишился поддержки близких очень рано. Отец его, Исидор Данилович, родился крепостным. По «ревизским сказкам» семья Голиковых из поколения в поколение считалась «собственностью князей Голицыных». В 18 лет Исидора Даниловича забрали в армию. Там застала его реформа 1861 года, которая отменила на Руси крепостное право, но не отменила каторжную солдатчину. Исидор Данилович отбухал 25 лет — день в день — без награды и

повышений. А возвратясь в 43 года в Шигры, женился и занялся щепным промыслом — вырезал из дерева ложки, кружки, миски, скалки для белья, но особенно славились его прялки с изящным узором, который почти никогда не повторялся.

Сын Петр легко перенимал навыки и секреты ремесла, начиная кое в чем превосходить отца. Исидора Даниловича это радовало. Он мечтал, что с таким помощником семья вырвется из бедности и обретет устойчивый достаток.

Но Петр захотел учиться. Он успешно закончил Шигровское уездное училище, затем сельскохозяйственную школу при сахарном заводе. Преподаватели отмечали его исключительные способности и советовали продолжать образование. Петр стал мечтать о том, чтобы поехать в Курск, поступить в учительскую семинарию. Возможно, и на этот раз старый Исидор Данилович нашел бы средства, но он понял, что Петр к щепному промыслу больше не вернется. И в деньгах сыну отказал.

Петр Голиков выдержал конкурс — пять человек на место — и поступил в учительскую семинарию. За письменную работу по математике ему одному поставили пятерку. А средств не было. Зарабатывал чем мог: колол-пилил с приятелем дрова, разгружал вагоны, давал частные уроки, но жил впроголодь.

Как репетитор Голиков вскоре получил известность, его часто звали к обленившимся балбесам, однако платили мало, и он, случалось, предпочитал, взяв с собой кусок хлеба, провести полдня в библиотеке, чем тащиться пешком через весь город, чтобы заработать полтинник.

Читал он быстро и жадно, выбирая книги по заранее составленному списку. Его ненасытный цепкий ум и могучая крестьянская память мгновенно все схватывали, а по дороге домой он неторопливо осмысливал поступки и суждения людей, о которых только что читал.

Петр спал три-четыре часа, с великой тоской думая, что знает пока мало, а в глуши, где придется работать, разве найдешь нужную книгу?

Больше всего на свете Петр Голиков хотел учить детей. Аркадий помнил: отец приехал однажды со службы на извозчике и взял с сиденья стопку

толстых, тяжелых книг, завернутых в плотную бумагу. Книг в доме всегда было много, в том числе и детских, но покупка каждой новой становилась событием — Аркадий и девочки ее листали, разглядывали, и нередко после ужина родители читали только что приобретенную книгу вслух.

Аркадий развязал привезенный отцом пакет. В бумаге лежали шесть томов книги «Великая реформа», посвященной пятидесятилетию освобождения крестьян по манифесту 1861 года. На самом деле «Великая реформа» была историей крепостного права в России.

Аркадий часто потом рассматривал в ней картинки и читал по слогам подписи к ним. Так он впервые узнал о Салтычихе, которая была обвинена в убийстве 75 своих крестьян; об экономке графа Аракчеева Настасье Минкиной — она жгла утюгом лица горничных; о помещике, который приговаривал своих крепостных к 5000 ударам розгами... Из «Великой реформы» узнал Аркадий впервые о Степане Разине, который стал вождем обиженных, поднял народ против помещиков и царя. Степана Разина поймали, обманом привезли в Москву, пытали, а он не проронил ни звука.

Аркадий с трудом дождался прихода отца, чтобы рассказать о стойкости Разина.

— Сейчас иди спать, — ответил отец, помолчав. — А завтра я тебе кое-что покажу.

— Петя, ну зачем ребенку такие страсти? — вмешалась Наталья Аркадьевна.

— Если у людей достало мужества все это вынести, — ответил отец, — то пусть Аркаша хотя бы посмотрит, где это происходило.

Петр Исидорович поднял мальчика на рассвете, и они вышли из дома. Стояла осень. Осыпалась листва, раскисли дороги, глина прилипала к подошвам ботинок. Отец и сын шли на дальнюю окраину города — к Ивановским буграм. Здесь вдоль проселка через каждые двадцать — тридцать метров белели часовенки, похожие на маленькие игрушечные дома. Стены их покрывали рисунки, которые изображали казнь и муки Иисуса Христа. У некоторых часовенок догорали с вечера поставленные свечи.

— Разин и восставшие крестьяне шли брать Москву, — сказал отец. — Но сначала им нужно было взять Арзамас. И под Арзамасом их разбили. Многие

попали в плен. Схваченных разинцев привозили сюда, на Ивановские бугры, и вешали. Всего тут было казнено одиннадцать тысяч. На тех местах, где стояли виселицы, и построили эти маленькие часовенки.

Петр Исидорович нагнулся и поднял комок красноватой глины.

— Говорят, что раньше тут глина была желтой, а красной она сделалась после того, как здесь погибло столько народу.

— Папа, — испуганно спросил Аркадий, — а если бы не отменили крепостное право, ты бы тоже был крепостным?

— Конечно.

— И я? Нет, я не мог быть крепостным — моя мама дворянка!

— Если бы я остался крепостным, а мама вышла за меня замуж, — ответил отец, — она бы тоже стала крепостной. Таков был закон.

После посещения Ивановских бугров Аркадий долго ходил молчаливым и вскрикивал во сне.

ПОБЕГ

Приходя после школы домой, Аркадий кричал с порога:

— Тетя Даша, письмо от папы есть?

И если письмо его ждало, кидал ранец, садился прямо у порога и читал. Петр Исидорович сообщал, что служит под Ригой в резервном полку, их учат разным солдатским премудростям — ходить строем, разбирать винтовку, копать окопы, так что здесь он застрянет надолго. Аркадия это радовало: значит, опасность отцу пока не угрожает. И мальчика начали волновать другие проблемы.

«Папочка, — писал он, — я знаю, что некоторые присылают винтовки с фронта в подарок кому-нибудь, как это делается? Может, можно как-нибудь и мне прислать? Уж очень хочется, чтобы что-нибудь на память о войне осталось»*[2].

Всегда внимательный к просьбам сына, отец на это письмо не ответил. Зайдя однажды к соседям, Аркадий увидел на подзеркальнике в прихожей открытку: Петр Исидорович сообщал друзьям, что из резервного полка, где он находится, отбирают добровольцев на передовую. «Шлю свой привет, — заканчивал он, — и бог весть, не последний ли?»*

Аркадий замер. Этого отец домой не сообщал. Так вот с какими мыслями он там живет! Аркадий был ошеломлен. Он сунул открытку в карман: в конце концов, она прислана его папой. Ночью Аркадий долго не спал, а к утру принял решение.

Мальчик потихоньку стал копить деньги, которые мать давала то на тетради, то на кинематограф. Купил карманный фонарик с запасной батареей, складной ножик. Два рубля у него еще осталось. И он прикинул, что на дорогу до фронта ему вполне хватит.

Для окончательных сборов Аркадий выбрал такой вечер, когда мать дежурила в больнице. А то у нее была опасная привычка: мельком взглянув в глаза, она мгновенно угадывала все тайные мысли, садилась рядом, обнимала своей теплой, мягкой рукой и говорила:

— Выкладывай, мой мучитель, чего ты там уже опять придумал?

И приходилось выкладывать, потому что

перехитрить маму не было никакой возможности.

А тут матери дома не было. Тетя Даша укладывала малышкой. И Аркадий завел беседу с Наташей.

— Понимаешь, Талочка, начались дожди, а папа сидит в сырых окопах. Наверное, даже с мокрыми ногами. И возле него ни одной родной души. Понимаешь?

Талочка ничего не понимала, но глядела на брата восхищенными и благодарными глазами: Аркаша никогда с ней так серьезно не говорил.

— Не огорчай маму и чаще пиши папе, — наставлял он ее.

Девочка кивала: она была послушной сестрой.

Проснулся Аркадий рано.

— Я сегодня дежурный, — объяснил он тете Даше.

Позавтракал, поцеловал спящих сестреночек, долго в прихожей целовал тетю Дашу (она была тронута неожиданной нежностью) и, схватив ранец, выбежал на улицу.

День был холодный: ночью моросил дождь. Аркадий повел плечами, застегнул шинель на верхнюю пуговицу. И пошел — только не направо, к училищу, а налево, к перелеску, возле которого было кладбище.

Аркадий не боялся могил — этому его тоже научил отец. Мальчик прошмыгнул среди крестов и памятников, отыскал заранее выбранный, давно заброшенный склеп, потянул на себя чугунную дверцу, не глядя сунул в темное отверстие ранец с книгами и тетрадями — и побежал дальше. Он хотел до обеда, в крайнем случае до вечера, пока в окопах не лягут спать, попасть на фронт.

Вскоре он был на вокзале и прождал часа полтора, пока не остановился воинский эшелон. Из теплушек начали выпрыгивать солдаты с чайниками и котелками. Солдаты бежали к большим медным кранам, которые торчали из стены пристройки с надписью «Кипяток».

Аркадий не стал никого ни о чем спрашивать: ему и так все было ясно. А кроме того, опасался: если он будет задавать вопросы, то его примут за немецкого шпиона. Газеты сообщали, будто развелось их очень много, и призывали разоблачать вражеских агентов.

Гуляющей походкой Аркадий прошел к последнему вагону. Двери в нем были наглухо заперты, но зато имелась открытая с двух сторон тормозная площадка.

Когда ударил станционный колокол, Аркадий стремительно поднялся на площадку, присел на корточки и прижался спиной к стене вагона.

Паровоз гуднул, эшелон дернулся, и Аркадий подумал, что самое трудное позади. Но машинист, казалось Аркадию, трусил и не спешил на передовую. Состав подолгу останавливался на безмянных полустанках. А если трогался опять, то эшелон мог обогнать и ребенок.

Ветер продувал площадку, где не было даже угла, чтобы спрятаться. Аркадий начал замерзать. Согревался он только тем, что, держась за борт с сигнальным красным фонарем, попеременно крутил руками. На короткое время становилось теплей, а потом Аркадий снова начинал замерзать.

Наконец состав набрал скорость. Мимо тормозной площадки пробежали и лес, и сторожки стрелочников, и деревушки, которые выглядели совершенно пустыми.

Небо хмурилось, накрапывал дождь. Аркадий начинал коченеть. По его расчетам давно пора было появиться фронту, но не слышалось ни орудийного грохота, ни стрекота пулеметов, а настоящие аэропланы не летали, видимо, из-за плохой погоды.

Стемнело. От усталости и холода мальчика начало клонить в сон. И он с беспокойством подумал: «А как я буду спать? Чем укроюсь?»

К счастью, эшелон замедлил скорость и остановился. «Уже фронт!» — обрадовался мальчик. При слабом свете керосиновых фонарей Аркадий прочитал на деревянном строении: «Кудьма». Название показалось знакомым. Оно вроде бы встречалось в военных сводках.

Солдаты опять стали выпрыгивать без винтовок, но с чайниками. «Нет, еще не доехали», — с сожалением понял Аркадий. У него чайника не было, но хотелось есть и пить. «Добежать до буфета? А если не успею обратно?» И он решил перетерпеть, но послышался размеренный металлический стук: три удара, пауза, три удара, снова пауза, и у ступенек площадки появился измазанный копотью осмотрщик вагонов. В одной руке он держал фонарь, в другой — молоточек на длинной рукоятке.

Осмотрщик заметил Аркадия — чистенького, в гимназической шинели и фуражке.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru